

10 years without the right of correspondence...

(Life and death of Tsalya Schiff)

Documents in the historical museum of Volkovysk on the activities of the watchmaker Schiff Meer

The beginning of the revolutionary struggle

On December 12, 1897 in the town of Volkovysk, Grodno province, on the western outskirts of the huge Russian Empire, in the family of the watchmaker and jeweler Meir Schiff a boy was born. The boy was given a beautiful Hebrew name Bezalel, which means «In the shadow of God». But at home everyone called him Tsali. That is why later on the name Tsalko appeared in the documents.

Volkovysk is one of the oldest cities in Belarus. Many generations of the Schiff family lived in the city. They were famous

watchmakers and jewelers. Meir Schiff kept a watch shop and a workshop, he went to the synagogue, gave back to community, and played in the Jewish theater. Meyer had six children.

Various Jewish parties and public organizations like the Orthodox, the Zionists, the Bund and others, were powerful in Volkavysk but the communist anarchists used to exert special influence among Jewish youth, who were at the forefront of fighting against the autocracy. The goal of the anarchists was «social revolution, in

Я не перестаю удивляться providенческой судьбе нашего журнала.

Мой брат и семья моей дочери проделали огромную работу по составлению родословной нашей семьи.

У Меера, отца моего дедушки, был брат Хейкель, уехавший в конце 19 века в Израиль, где своими трудами возводил город Тель-Авив. И вся ветвь его потомков осталась жива.

В то время, как мой дедушка и все его родственники (братья, сёстры), оставшиеся в СССР, были уничтожены в огне репрессий, Великой Отечественной войны и Холокоста. Никого не осталось...

И только моя мама, которой было 12 лет, когда казнили её отца (моего дедушку Цалю), была единственным продолжателем этой ветви семьи Шифф.

И как результат — поездка в Израиль. На семейной встрече присутствовали 25 потомков, проживающих в Тель-Авиве. Приехал мой брат Евгений с Украины, кузина Эмма из Лондо-

1

умели подтасовывать факты, сфабриковать дела, казнить без суда и следствия.

Из чувства страха за судьбу своих родных и близких люди готовы были оговорить себя.

«Женившись на маме по большой любви, офицер Советской Армии сознательно поставил крест на своей карьере», — такие слова сказал мой брат, когда мы провожали в последний путь нашу маму. Эти слова заставили меня полностью переосмыслить жизнь родителей.

Я всегда знала, что мой дед был репрессирован в 1938 году, но только сейчас, получив доступ к архивам НКВД, я начинаю понимать, почему наша мама так долго и настойчиво добивалась справедливости и так радовалась, когда в 1958 году её отца реабилитировали. Но что значило для неё 20 лет жить с чувством, что ты дочь врага народа?»

Удивительно, что история возвращается на круге своя. Слова, которым уже 5 лет, сегодня стали реальностью из-за перипетий геополитики.

на. И мы, из Томска.

И произошло это как раз в день столетия Октябрьской революции.

Для меня всегда было загадкой, как мой дедушка Цалю Меерович Шифф, репрессированный в 1938 году, накануне революции оказался в Палестине.

Неведомые нам ранее страницы истории нашей семьи описывает в своей книге брат Евгений Голов:

«Меня часто спрашивают, зачем и для кого я всё это пишу? Что сказать... Я делаю это не только для того, что-»

бы отдать должное своему деду, бабушке, маме, но и для своей дочери, внучки, для детей моей сестры. Для того, чтобы они знали и гордились своими предками. Посему закончить я хочу тем, с чего начинал эти записки: рано или поздно человек задумывается о своих корнях, начинает интересоваться своими предками и, если это происходит в позднем возрасте, мы начинаем сожалеть, что не расспросили своих родственников, так как наиболее сведущие из них ушли из жизни».

*Харьков, 2017 год
автор Голов Евгений.*

Начало революционной борьбы

12 декабря 1897 года в городе Волковыск Гродненской губернии, на западной окраине огромной Российской империи в семье часовщика и ювелира Меера Шиффа родился мальчик, которого назвали красивым древнееврейским именем Бецальэль, что означает «В тени Бога». Но в домашнем обиходе все его называли Цалей.

Поэтому позже в документах появилось имя Цалько.

Волковыск — один из древнейших городов Беларуси. Первое упоминание о городе в Туровской летописи датируется 1005 годом. В своей истории Волковыск и его окрестности неоднократно терпели несчастья и разрушения. Но город вновь и вновь восставал из руин, отстраивался и укреплялся.

В Волковыске проживали многие поколения семьи Шифф. Они были известными часовщиками и ювелирами. Меер Шифф держал часовой магазин и мастерскую, посещал синагогу, занимался благотворительностью, играл в еврейском театре. Грамотный и начитанный, он свободно владел идиш, русским и польским языками. Это был высокий, сильный и справедливый человек, за внешней суровостью которого скрывалось доброе и отзывчивое сердце. Эти качества в полной мере унаследовал и его сын Цалей.

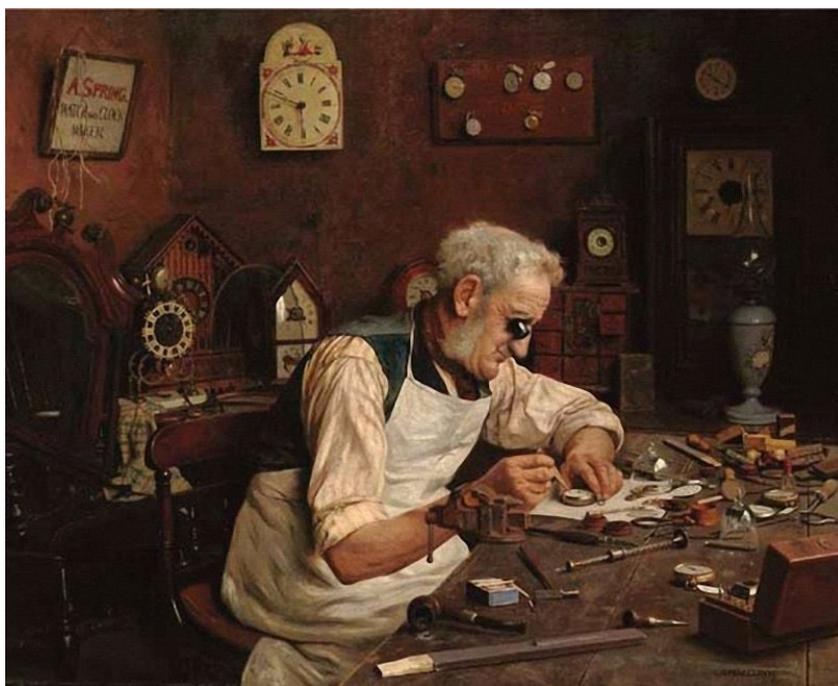
С самого детства маленький Цалей любил наблюдать за тем, как отец, сидя в мастерской, разбирался в тон-

ком кружеве механизмов. От него он познавал секреты мастерства часовщика и ювелира. Вникая в премудрости часового дела, Цалей досконально изучил то, что часовщики называют ремонтуаром и ангренажем, узнал систему Грахама и шварцвальдский крючковый ход, свободный маятниковый ход Рифлера и свободный ход Штрассера. У него даже был собственный ящик с зубчатыми колесиками, пружинками, старыми корпусами, с которыми он «работал» буквально на ногах у отца, пытаясь создать из них нечто новое.

Уже в 10 лет Цалей поручался ремонт самых простых будильников, а к двенадцати годам он настолько стал разбираться в часовых механизмах и пользоваться инструментами для изготовления и починки часов, что мог бы работать мастером в часовой мастерской и даже делать небольшие ювелирные украшения. И хотя в семье было шестеро детей, именно в Цалей отец видел продолжателя своего дела.

В 1910 году отец отправляет его в Варшаву учиться у известного часового мастера К. Геттиха, владельца часовой фабрики «Братья Фортвенглер». В обучение входили серьезные дисциплины — математика, физика, металловедение, черчение, а также курс по истории развития часового дела.

Своим ученикам Геттих передавал неоценимые знания, нацеливая на тщательное изучение тонкостей механики часов и изготовление непростых вращательных механизмов. Учиться было нелегко, но интересно. Смысленный и любознательный юноша нравился мастеру, ►►

который предрекал ему большое будущее.

В это же время, на фоне исторических событий и катаклизмов в Российской империи, происходит рост политического самосознания Цали и становление его как личности.

По свидетельствам современников, можно судить, что до Первой мировой войны развитие культурной и религиозной жизни еврейской общины Волковыска достигло достаточно высокого уровня. Старшее поколение было более религиозным, а молодое — более вовлечённым в политику и светскую культуру.

В Волковыске имели влияние различные еврейские партии и общественные организации: ортодоксы, сионисты, Бунд и другие, но особым влиянием среди еврейской молодёжи пользовались анархисты-коммунисты, которые шли в первых рядах борцов с самодержавием.

Идеи М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина о федерации вольных общин и коммун, где личность, избавленная от опеки государства, полу-

чит неограниченные возможности для развития, будоражили и овладевали умами молодёжи. Целью анархистов была объявлена «социальная революция, т. е. полное уничтожение капитализма и государства и замена их анархическим коммунизмом».

В 1905 году в России грянула долгожданная буря. Началом революции послужили события в Петербурге 9 января 1905 года, получившие название «Кровавое воскресенье». Мирная демонстрация на подступах к центру города была остановлена войсками, которые применили оружие. Десятки и сотни людей были убиты и ранены. Весть о расстреле демонстрации стала катализатором революции. Страну захлестнула волна массовых выступлений.

Несмотря на обнародование царского манифеста и титанические усилия властей по стабилизации ситуации в стране, революционное движение продолжалось.

Его апогеем стало Декабрьское вооружённое восстание 1905 года в Москве.

Отзвуки революции докатились до самых дальних уголков Российской империи. В Гродно, Белостоке, Волковыске и других городах прошли выступления рабочих, сельских жителей, волнения новобранцев и солдат.

Анархисты восторженно встретили революцию и ринулись в неё с бомбами и пистолетами. Годы революции вошли в историю российского анархического движения как время непрекращавшихся террористических актов, вооружённых нападений и грабежей.

В ответ на это 1 июня 1906 года, в дни работы Первой Государственной Думы, разразился еврейский погром в Белостоке. Всё началось с убийства местного полицеймейстера, в котором обвинили анархистов-евреев.

Большинство погромщиков были солдатами и офицерами местного гарнизона. У многих убитых были обнаружены раны от карабинов и штыков. Не жалели никого. Убивали старых евреев, женщин и маленьких детей. Итоги белостокского погрома были ужасны: больше ста убитых, несколько сот раненых, тысячи разорённых семейств.

Все эти события оказали огромное влияние на политическое мировоззрение юного Цали.

К моменту отъезда в Варшаву тринадцатилетний паренёк уже всецело проникся революционными идеями анархистов. Цали участвует в работе одной из организаций анархистов-коммунистов, жадно впитывая идеи грядущей революции.

В Варшаве большинство участников анархистского движения были очень молодыми людьми — не старше 18–20 лет. ►►

От агитации и пропаганды в еврейских кварталах анархисты очень быстро перешли к активному участию в экономической борьбе варшавских трудящихся, что не прошло мимо внимания полиции.

Начались аресты. 1 мая 1913 г. Шифф впервые оказался в тюремной камере. Вместе с рабочими ряда предприятий Варшавы он принимал участие в демонстрации. Во время столкновений с жандармами был схвачен и отправлен в тюрьму. Встревоженный этим известием, Меер срочно приехал в Варшаву и нанял хорошего адвоката. Два месяца Цаля находился в тюрьме, а затем был освобожден как несовершеннолетний. За ним был установлен негласный полицейский надзор. Дома, в Волковыске, его ждал тяжелый и неприятный разговор с отцом.

В конце 1913 года, переживая за судьбу сына, Меер решил отправить Цаля к своему младшему брату - Хейкелю Шифф в Палестину, которая тогда входила в состав Османской империи. Он надеялся, что эта поездка отрезвит сына и он порвёт с анархистами. Но, как покажут дальнейшие события, этим надеждам не суждено было сбыться. Идеи революции и построения нового общества, где будут царить равноправие и свобода, уже овладели душой и сердцем юноши. В начале декабря 1913 года, после оформления необходимых документов, Цаля выехал в Землю Израиля.

В «Земле Израиля» (1913-1914 г. г.)

Дожливым декабрьским утром 1913 года, стоя на верхней палубе корабля,

Цаля Шифф с волнением всматривался в приближающийся берег. Трепет охватил его душу, когда на горизонте появилась земля: «Земля Израиля!»

Земля Израиля (Эрец-Исраэль) а также «Земля обетованная», «Святая земля» — исторические термины, относящиеся к региону, который тесно связан с Государством Израиль. Историческая территория Эрец-Исраэль не идентична территории современного Израиля, поскольку она включает также территории, где жили палестинцы. До 1917 года эта территория в течение 400 лет находилась под контролем Османской Турции.

Согласно библейской истории, четыре тысячи лет тому назад эту землю называли Ханаан по имени населявшего её народа. Было у Ноя три сына — Шем (Сим), Хам и Яфет. После потопа вышли они из ковчега со своими женами, родили детей, «и от них населилась вся земля». Хам родил Ханаана, от него пошёл народ ханаанский, а по имени этого народа и название земли — Ханаан.

Потом появилось другое наименование — Палестина. Название «Палестина» является искажённым на грече-

ский манер ивритским словом «плиштим» — пришелец, захватчик, оккупант. Евреи называли так пришельцев, которые захватили некоторые прибрежные регионы Израиля и занимали их до того момента, когда царь Давид нанёс им поражение. Место их расселения — «Плешет» превратилось в Палестину. Но, в отличие от прибрежной полосы, внутренние части этой земли именовали иначе — Иудея и Израиль, по названию двух еврейских царств, южного и северного. После того, как северное царство Израиля сдалось ассирийцам и перестало существовать, греки и римляне распространили название Иудея на всю эту землю.

Во втором веке новой эры, после неудачи еврейского восстания, римляне, пытаясь стереть всякую память о еврейском народе и его государственности, официально переименовали Иудею и стали называть ее Сирия-Палестина. После распространения христианства наименование Палестина стало общепринятым в Европе и вошло во все европейские языки, однако крестоносцы, отвоевав эту землю у арабов, название Палестина не употребляли. Для них это была Святая Зем- ➤

ля, а своё государство они именовали Иерусалимским королевством. Во времена Османского правления эта земля была разделена между несколькими провинциями и не сохранила это название. В двадцатом веке, во времена английского мандата (1920-1948) название «Палестина» закрепилось за всей территорией Эрец-Исраэль. вплоть до образования в 1948 году государства Израиль.

Но евреи прежних веков не пользовались этим наименованием — Палестина. Наиболее распространённым во все времена было и остаётся — Эрец-Исраэль. Здесь евреи сформировались как нация, здесь существовало их независимое государство и сложился духовный облик народа, отсюда их изгоняли при разных завоевателях, но рассеянный по миру народ никогда не утрачивал связи с исторической Родиной.

В любой еврейской общине, в любой еврейской семье все помыслы, все мечты и надежды были обращены к Земле Израиля. Переселение в Эрец-Исраэль и проживание здесь всегда рассматривалось как богоугодное

дело. Кто не мог переселиться, просил родных перевезти в Землю Израиля его прах или положить в его могилу горсть земли из Эрец-Исраэль.

Евреи, переселенцы из России, стали прибывать в Землю Израиля в конце XIX века. Первая волна репатриации на эту землю — первая «алия» — началась в 1882 году, когда по юго-западным губерниям Российской империи прокатилась волна еврейских погромов. Несмотря на невероятные трудности и лишения, голод и малярию, с 1882 по 1903 год в Эрец-Исраэль было основано около тридцати еврейских сельскохозяйственных поселений. Выросло и окрепло первое поколение современных евреев-земледельцев, и следующие переселенцы начинали уже не на пустом месте.

«Алия» (буквально «подъём», «восхождение», «возвышение») — репатриация евреев в Эрец-Исраэль. «И сказал Господь Аврааму: пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе» (Быт. 12:1)

Является одним из основных понятий сионизма, ныне закреплённых в законе Израиля «О возвращении».

Давид Бен-Гурион, будущий глава государства Израиль, прибывший в Палестину в 1906 году, писал отцу: «Двадцать пять лет назад те, что пришли раньше нас, умирали от жажды, их косила лихорадка. У них не было ни воды, ни тени. Вокруг всё было пустынно, одиноко, дико. Голая земля — ни травинки, ни деревца. Воздух обжигал. Мы же приехали, когда здесь уже были сады, апельсиновые плантации, тень, холодная вода, благотворный ветер. Чем мы можем быть недовольны? Чего нам бояться?»

Вторая волна репатриации началась в 1904 году, и были на то серьёзные причины, которые подтолкнули к эмиграции. Весной 1903 года по городу Кишинёву разбрасывали печатные листовки с сообщением, что царский указ разрешает учинить трёхдневную расправу над евреями. В полдень шестого апреля 1903 года, в первый день православной Пасхи и в предпоследний день еврейского праздника Песах, зазвонили колокола и сразу же начался погром. В газете отметили: «Это была не случайная вспышка пьяной разгулявшейся толпы, а заранее задуманное нападение организованной шайки на еврейское население целого города».

С первых часов погрома солдаты местного гарнизона были выведены на улицы, но они бездействовали, «равнодушно глядели на зрелище грабежа и разбоя», и погромщики поверили, что действительно есть разрешение «бить жидов».

Погром набирал силу, а городское начальство праздновало пасхальный день, разъезжало по городу с праздничными визитами и ожидало распоряжений из Петербурга. Затем начались убийства; толпа, почуявшая запах крови и не встретившая никакого противодействия, дошла до невероятной степени озверения. Погром продолжился и на второй день: евреев убивали целыми семьями, женщин насиловали, детей выкидывали из окон на улицу. Результат погрома: сорок девять убитых, около шестисот раненых, полторы тысячи домов и магазинов разрушены и разграблены. Весь мир ужаснулся, когда в газетах напечатали подробности жестоких убийств, но это было только вступление.

Впереди были новые погромы и новые зверства, которые гнали евреев из России. Волна беженцев нарастала, подхлёстываемая очередными насилиями.

Эта волна репатриации на Святую землю, вторая «алия», существенно отличалась от первой. Приезжала, в основном, молодёжь — без семьи, без забот о детях: гимназисты, студенты, юноши без профессии.

Они с трудом зарабатывали деньги на проезд и появлялись налегке, с парой беля в узелке и стопкой книг. За двадцать лет до них люди из первой «алии» мечтали, в основном, о «здоровой жизни» на своей земле, а эта молодёжь поставила перед собой иную, скрытую задачу — создание независимого еврейского государства.

В 1905 году Йосеф Виткин, учитель еврейской школы в Кфар-Таворе, написал «Обращение к еврейской молодёжи»: *«Братья! Мы должны трудиться для завоевания нашей страны и отчаянно бороться, как раненый зверь борется за свою жизнь, ибо ещё немного, и страна окажется в руках тех, от кого мы её уже никогда не получим... Проснись, молодёжь Израиля, приди на помощь своему народу! Сплотись, будь готова на жизнь и на смерть, забудь дорогие привязанности детства, оставь их без тени сожаления и откликнись на призыв своего народа!»*.

Это воззвание распространялось в черте еврейской оседлости Российской империи; молодые люди откликались на призыв и отправлялись в путь.

Молодёжь из второй «алии» вывезла из России не только память о жестоких погромах, но и социалистические идеи, которые тогда господствовали в русских революционных партиях.

В их мировоззрении эти идеи слились с идеями сионизма.

7 июня 1907 г. на страницах анархистского бюллетеня «Листки «Хлеб и Воля», (орган анархистов-коммунистов «хлебовольцев». Редактор П. Кропоткин) было опубликовано большое письмо-обращение, в будущем видного сионистского деятеля, Марка Ярблюда «Анархизм и сионизм», в котором он писал о существовании группы сионистов-анархистов-коммунистов в России и США и запрашивал о возможности для её сторонников присутствовать частным образом на международном анархистском конгрессе в Амстердаме.

Из письма Марка Ярблюда «Анархизм и сионизм»:

«Ввиду предстоящего конгресса анархистов-коммунистов, обращаюсь к вам с просьбой ответить мне на некоторые... вопросы, касающиеся известного направления в анархизме, - именно национального. Обращаюсь к вам как сионист-анархист-коммунист.

Для того, чтобы еврейская нация могла свободно развиваться по пути к анархизму, ей нужны условия... национальной жизни. Процесс концентрации еврейских элементов в Палестине уже начался... Я — анархист-коммунист. Наша задача — создать вольные коммуны, — для свободного развития индивидуума в еврейской нации в Палестине. ...как члены угнетён- ►►

ной нации евреев... как сыны её, мы будем там работать во имя всего человечества, во имя уничтожения, везде и повсюду, всякой эксплуатации и власти, в какой бы форме она ни проявлялась».

Кропоткин, который пропагандировал интернационализм для всех наций без исключения, ответил мгновенно. Письмо Кропоткина Ярблюму было опубликовано в том же выпуске «Листков «Хлеб и Воля». В ответном письме Кропоткин, подчеркивая важность развития еврейской народной культуры, творчества, мышления и языка, считал эмиграцию евреев в Палестину нецелесообразной.

Из ответа П. Кропоткина на письмо Марка Ярблюма «Анархизм и сионизм»:

«...еврейские революционеры, которые борются в России за освобождение своей и других угнетённых народностей, делают несравненно больше на пользу человечества вообще, и в частности — для своей народности, чем те, которые удаляются в Палестину. Западный край России — вовсе не чужое место для евреев. Их предки, заселившую эту область... и содействовавшие её развитию, имеют такое же право считать эту область своею родиной, как и все другие обитатели. И здесь, — тем более, если они возьмут с боя, завоюют своими усилиями свободу национального развития, — они создадут такую почву для дальнейшего развития своей народности... какой они не найдут на... востоке, под сенью ветхих идеалов далёкого прошлого».

Дискуссия между Кропоткиным и Ярблюмом вызвала массу споров в еврейских анархистских кругах.

Большинство еврейских анархистов-коммунистов были согласны с Кропоткиным, тогда как представители просионистского течения, сторонники анархо-сионизма, были категорически против и настаивали на «палестинской» версии решения еврейского вопроса. Это не мешало, однако, спорившим сторонам относиться друг к другу с подчёркнутым вниманием.

Хотя сам Кропоткин и не поддерживал идею переселения евреев в Землю Израиля, его взгляды оказали явное воздействие на организацию и форму первых еврейских земледельческих поселений.

В 1908-1909 г. г. кумир еврейской молодёжи Иосиф Трумпельдор, герой русско-японской войны, один из наиболее известных ак- ►►

дов еврейской самообороны в 1920 году в Палестине. Погиб 1 марта 1920 года при обороне поселения Тель-Хай от арабов.

Иосиф Трумпельдор, человек умный, энергичный и храбрый, человек действия, понимая, что самая лучшая пропаганда — это «пропаганда примером», после окончания Петербургского университета, в 1912 году уехал в Землю Израиля, где, несмотря на увечье, самоотверженно трудился как простой сельскохозяйственный рабочий в Дгании — первом киббуце на берегу озера Киннерет.

«Киббуц (первоначально квуца — «группа») — сельскохозяйственная коммуна в Израиле, характеризующаяся общностью имущества и равенством в труде и потреблении. В основе идеи киббуца лежит Кропоткинская модель нового общества, «которое поставит себе целью общее благосостояние и возможность для всех пользоваться жизнью во всех ее проявлениях».

Здесь, в Земле Израиля, Цале предстояло решить для себя непростой вопрос. Какой путь выбрать? Анархо-сионизм Трумпельдора или анархизм-коммунизм Кропоткина? Строить новое еврейское государство в Эрец-Исраэл или вернуться в Россию, чтобы бороться там за освобождение своей и других угнетённых народностей? Я думаю, что Её Величество История сама повлияла на его решение. Как покажут дальнейшие события его жизни, он выберет идеи Кропоткина. ➔

тивистов раннего сионистского движения, сформулировал программу создания в Земле Израиля коммун в духе анархо-коммунизма Кропоткина.

В одном из писем своему другу Грише Шацу, называя себя анархо-коммунистом, Трумпельдор писал: «Как и Кропоткин, я уверен, что только большие коммуны (люди и земля) приведут нас к анархизму».

Иосиф Трумпельдор (1880-1920) — еврейский политический и общественный деятель, родился в 1880 году в Пятигорске. Во время русско-японской войны был ранен, потерял левую руку; полный георгиевский кавалер, единственный еврей-офицер русской императорской армии. Инициатор создания «Еврейского Легиона» в 1914 году в Александрии и отря-

Сойдя на пропахший рыбой дощатый причал яффского порта, Цаля тепло попрощался со своими попутчиками и, отказавшись от навязчивых предложений извозчика, решил пешком пройти по узким улочкам древней Яффы. Был первый день Хануки. Темнело. Уже пора было зажигать первую ханукальную свечу, когда он подошёл к одноэтажному дому на перекрёстке улиц Герцля и Лилиенблум в новом еврейском районе Ахузат Байт. Постучав в дверь, Цаля попал в объятия своего дяди Хейкеля и его семьи.

Хейкель Шифф (1865-1926). Еврейский общественный деятель и бизнесмен. Является одним из основателей города Тель-Авив. Родился в г. Волковыске Гродненской губернии Российской империи. Получил традиционное еврейское образование. Следуя семейной традиции, овладел профессией часового мастера и ювелира.

В 1888 году в составе «первой алии» переехал в «Землю Израиля» и поселился в Яффе.

В 1889 году к нему из России приехала его невеста Сара-Това. Они поженились в тот же год в Иерусалиме.

В 1900 году Хейкель Шифф создал агентство по продаже недвижимости.

В 1913 году купил дом в самом сердце Тель-Авива, на ул. Герцля. В марте 1917 года, когда турецкие власти выгнали всех евреев из Тель-Авива, переехал с семьей в Реховот, где заболел малярией, которая сильно подкосила его здоровье.

Вернулся в Тель-Авив в конце 1917 года. В 1925 году он перестроил свой дом, надстроив два этажа. Сейчас этот дом объявлен национальным достоянием. В нём размещён музей. Умер 8 февраля 1926 года от печёночной недостаточности. Похоронен на Еврейском кладбище на Оливковой (Масличной) горе в Иерусалиме.

О доме Хейкеля Шифф следует сказать особо. История Тель-Авива ведёт отсчет с 1909 года, когда рядом с древним Яффо появились первые дома нового еврейского квартала Ахузат-Байт.

11 апреля 1909 года 66 семей членов общины «Ахузат-Байт» собрались на песчаных

дюнах на лотерею земельных участков. Часовой мастер Акива Арье Вайс собрал по 66 белых и чёрных ракушек и написал на белых ракушках имена желающих приобрести участок, а на чёрных ракушках — номера участков земли.

Все ракушки сложили в две шапки. Сын аптекаря вытаскивал по одной ракушке из каждой шапки и сообщал имя и номер участка. Каждая семья честно получила свой участок земли под застройку нового района будущего города. Было много споров среди первых жителей, как именовать новое поселение, и выбрали, наконец, Тель-Авив — в переводе «весенний холм», «холм весны». Гербом города на берегу Средиземного моря стал маяк — символ собиранья изгнанников. Таким образом, лотерея ракушек осталась в истории Израиля как день рождения Тель-Авива.

Первую улицу, на которой были размещены эти участки, назвали улицей Герцля.

В Тель-Авиве очень сложно понять, какая же улица является главной. Но зато все знают, какая улица была первой!

Улица Герцль!!!

Первая булыжная мостовая, первый светофор, первый водонапорный кран, первый фонарь, первый забор, первый лифт, первый небоскрёб — здесь всё было «первым».

Участок на углу улиц Лилиенблум и Герцль по лотерее достался семье Франк.

В 1910 году на этом участке семья Франк построила дом. Это место считалось очень престижным. Северный фасад здания выходил на улицу Лилиенблум, а главный фасад на централь- ➤

ную улицу Герцля. В 1912 году, вскоре после окончания строительства дома, семья Франк, для того чтобы дать хорошее образование детям, переехала в Европу, а дом продала семье Шифф. Забегая вперед, отмечу, что в историю Тель-Авива этот дом войдет под названием «Дом Шиффа».

Уставшего после дальней дороги Цалю усадили

за праздничный стол. Горящий ханукальный светильник, вкуснейшие картофельные оладьи и пончики, приготовленные Сара-Товой, женой Хейкеля, всё это напомнило Цале родной дом.

До поздней ночи шли бесконечные разговоры и расспросы. Про Волковыск, родителей, родных и соседей, о трудностях нелёгкого пути.

Двоюродная сестра Малка, которая была ровесницей Цали, с восхищением смотрела на брата и, затаив дыхание, слушала его рассказы. Но больше всех были рады восьмилетняя Двойра и шестилетний Моше. У них появился настоящий взрослый брат.

Хейкель, сидя за столом, с улыбкой смотрел на племянника. Цалю был сыном его старшего брата Меера. В своём последнем письме Меер просил принять сына и постараться повлиять на него. Мееру не нравилось увлечение сына анархистскими идеями. Он хотел видеть в Цале продолжателя своего дела, чтобы передать ему семейный бизнес. Но чем больше Хейкель слушал Цалю, тем больше он узнавал в нём себя в молодости. Такой же одержимый идеями и такой же неугомонный. Никто не смог остановить Хейкеля, когда в 1888 году он решил уехать строить новую жизнь в Израиле. Цалю ему понравился.

На следующий день, когда Цалю отдохнул, они уединились в кабинете для серьёзного разговора. Хейкель, хотя и был по профессии часовым мастером, но с 1900 года отошёл от этого бизнеса и создал агентство по продаже недвижимости, которое скоро стало одним из самых успешных и активных на быстрорастущем рынке недвижимости Израиля. Он не только занимался покупкой и продажей земли, но и вкладывал деньги в создание виноградников, садов, апельсиновых рощ, в строительство домов в Тель-Авиве, Реховоте, Ришон-ле-Ционе и Петах-Тикве, разделяя свои активы.

Одновременно Хейкель и Сара-Това активно за- ➤

Нехемия — внук Хейкеля; Эмма — внучка Малки (дочери Хейкеля); Евгений Голов — внук Цали, племянника Хейкеля

нимались различными социальными проектами. Их дом был всегда открыт для переселенцев и выходцев из Волковыска, они обеспечивали горячей едой бедных и нуждающихся, оказывали помощь невестам, выходящим замуж. Это была одна из самых уважаемых и почитаемых семей Тель-Авива.

В ходе беседы Хейкель расспросил Цалю о его учёбе в Варшаве, о планах на будущее и даже проэкзаменовал, как бывший часовщик и ювелир, его знания и умения. Ему понравились вдумчивые и толковые ответы племянника и его стремление принять активное участие в строительстве новой жизни в Земле Израиля.

Их разговор прервал приход группы гимназистов из расположенной недалеко гимназии «Герцлия». Это были дети состоятельных родителей из Волковыска, которых прислали в Тель-Авив, чтобы они получили образование в еврейской школе. Они часто бывали в доме Хейкеля.

Многих из них Цалю помнил по детским играм. Узнав о приезде Цали, они шумной гурьбой примчались увидеть его и расспросить о жизни в родном городе. Их встреча затянулась до позднего вечера.

После того, как Сара-Това угостила их ханукальными сладостями, они показали Цале строящийся город, свою гимназию а потом пошли в дюны, уселись в кружок и с юношеской серьёзностью обсуждали будущее страны, спорили о сионизме и пели русские песни.

Когда в своём повествовании я подошёл к этому месту, то невольно остановился.

А чем занимался Цалю в Земле Израиля? Ведь он там был целый год. История семьи не сохранила достоверных данных. В следственном деле обозначен только период — «до декабря 1914 года». И тут мне очень помог своими советами и здоровым скептицизмом мой дядя — Нехемия Шифф, внук Хейкеля Шиффа. Хорошо зная историю своей семьи, он предложил три ва-

рианта возможного развития событий.

Из письма Нехемии Шифф. Тель-Авив, декабрь 2017 г. (перевод с иврита):

1. Хейкель посоветовал Цале усовершенствовать полученные в Варшаве знания и навыки часового мастера и порекомендовал ему пойти на работу к своему хорошему знакомому Акиве Вайсу, у которого на улице Бустрос в Яффе была часовая мастерская и ювелирный магазин;

2. Работа с ним в качестве помощника в сделках с недвижимостью или в одной из его усадеб.

3. Присоединение к одному из еврейских поселений, которые управляются в соответствии с социалистической философией, будь то кибуц или квуца.

В канун Хануки, в декабре 1914 года, Цалю получил недельный отпуск, чтобы отпраздновать праздник со своей семьей в Тель-Авиве (основание его нахождения в Тель-Авиве в декабре 1914 года). ▶▶

Евгений Голов (Украина) и Нехемия Шифф (Израиль)

Я считаю этот подход правильным. Не надо ничего выдумывать и сочинять. В любом случае, где бы в этот период ни находился Цаля Шифф, он мог везде видеть, как воплощались в реальность самые смелые мечты и проекты первых переселенцев. Стройка шла по разным направлениям, незаметная «муравьиная» деятельность — посёлок за посёлком, виноградник за виноградником, школа, мастерская, небольшая фабрика, детский сад, больница, библиотека.

1914 год был особенно успешным: за первые шесть месяцев сюда приехали на постоянное жительство более пяти тысяч евреев, а количество отъезжающих значительно уменьшилось. Появились люди с солидными капиталами, которые желали обосноваться в одном из городов, вложить деньги в торговлю или в промышленность. Работали первые еврейские предприятия: цементный и кирпичный заводы, завод по переработке сахарной свёклы, механические мастер-

ские. В поселениях убирали урожай, обещавший дать прекрасные результаты. Но началась война, и всё изменилось.

Вступая во второе десятилетие XX века, европейское общество находилось в тревожном состоянии. Между великими державами нарастала борьба за передел сфер мирового влияния, сопровождавшаяся гонкой вооружений.

В конечном итоге миру так и не удалось избежать военного конфликта.

1 августа 1914 года начинается Первая Мировая война, в которую вступила и Российская империя

После начала войны турецкое правительство опубликовало декларацию о нейтралитете. Однако в начале августа 1914 года был подписан договор между Германией и Турцией, по которому турецкая армия фактически попадала под руководство германской военной миссии, а в стране была объявлена мобилизация.

Военный министр Турции без согласования с Советом

министров страны 29 и 30 октября 1914 года отдал приказ командующему флотом обстрелять города России, расположенные на Черноморском побережье, поставив страну перед свершившимся фактом.

2 ноября 1914 года Россия объявила Турции войну.

Иностранным подданным-евреям было предложено принять гражданство Турции, а еврейской молодёжи вступить в турецкую армию. Подданные России отказались выполнить эти требования. В ответ начались погромы и аресты евреев — российских подданных. В декабре 1914 года губернатор Яффы приказал выслать из города семьсот евреев — в основном, российских подданных.

Не избежал этой печальной участи и Цаля Шифф.

17 декабря 1914 года в дом Хейкеля ворвалась турецкая полиция. Цаля Шифф, как подданный Российской империи, был арестован и на пароходе «Флорио» отправлен в Египет. ➡

Из списка высланных 17 декабря 1914 года из Тель-Авива в Египет на корабле «Флорио» по данным Центрального Сионистского архива. Страница 4, вторая строка сверху, №62(перевод с иврита прислал Нехемия Шифф. Тель-Авив, декабрь 2017 г.)

Имя — Шифф Цаля
Возраст — 18 лет
Место рождения —
г. Волковыск
Занятие —
студент (готовится)
Адрес —
улица Герцль,
дом Шиффа.

В конце 1914 года в Александрии скопилось до 12 тысяч еврейских беженцев.

Зеев Жаботинский, один из лидеров сионистского движения в России, узнав, что среди депортированных из Палестины находится Иосиф Трумпельдор, предложил ему идею создания «Еврейского легиона» — полка для участия в завоевании Палестины англичанами. Трумпельдор, не раздумывая, согласился. Их агитация нашла широкий отклик среди еврейских беженцев.

Но Цаля рвался в Россию. Его дальнейшие действия и поступки говорят нам, что он остался предан идеям Кропоткина. Идеи сионизма не успели и не смогли изменить его убеждений. Как анархист-коммунист, он был уверен, что на смену войне придёт «Великая Революция», и видел себя с пистолетом в её первых рядах, на баррикадах под знаменем анархии.

Из протокола допроса 8 марта 1938 года:

«В декабре 1914 года, после вступления Турции в империалистическую войну, как русскоподданный я был арестован и через 2 дня бежал в г. Александрию, где в Русском консульстве получил разрешение уехать в Россию, куда и приехал через Сербию, Болгарию и Румынию.»

В январе 1915 года, после двухнедельного опасного пути, Цаля Шифф прибыл на родину в Волковыск.

Мать не смогла сдержать слез, обнимая сына после долгой разлуки. Это был уже не тот мальчик-подросток, который четыре года назад уезжал в Варшаву. Заметно повзрослевший, возмужавший, со сложившимся мировоззрением и готовностью к борьбе. Ему исполнилось 17 лет.

Эта глава посвящена поиску своего пути молодым Цалям Шифф

Нельзя требовать ответа на все вопросы. Ему 16 лет. «Исчезли юные забавы, Как сон, как утренний туман...»

Он ищет свой путь: коммунизм, анархизм, сионизм. Всё это проходит через душу и мысли молодого человека. Он готов пойти на баррикады, сражаться и бороться, строить Новое государство.

Нельзя однозначно говорить, что он уже сформировал своё мировоззрение. Важно, кто будет рядом, как распорядится история и сложатся обстоятельства.

*Но в нас горит ещё
желанье,
Под гнетом власти
роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем
призыванье.*

Как личность он сформируется в Сибирской ссылке. Рядом с маститыми и опытными людьми. Он получит фундаментальные знания по философии, географии, истории. В совершенстве овладеет немецким языком.

Его метания и поиски своего пути можно так обозначить:

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести
живы,
Мой друг, отчизне
посвятим
Души прекрасные
порывы!*

А пока он мечется. Варшава, Земля Израиля, Россия. Я помню себя в 16 лет. Вспомни себя. Метания и поиск. Всю идею книги можно так обозначить:

*Взрослея не по дням
в пожаре русской смуты,
Нам рано довелось искать
себя в бою,
Меняя целый век
на краткую минуту,
В которую мы все стояли
на краю.
Кем мы были для Отчизны,
Не ответит нам ни один
судья.
Жаль, что меру нашей
жизни
Мы поймём, из жизни
уходя.*

Евгений Голов
г. Харьков, 2017 год

Использованная литература:

1. Феликс Кандель «Земля под ногами». Из истории заселения и освоения Эрец-Израэль»

2. Моше Гончарок «Пепел наших костров. Очерки истории еврейского анархистского движения (идиш-анархизм). Москва 2017 г.

Арест и ссылка в Сибирь

При написании этой главы мне очень помогли советы и помощь Александра Александровича Иванова, доктора исторических наук, профессора Иркутского государственного университета, автора большого количества работ по истории политической ссылки в Сибирь в конце XIX-начале XX века. Я благодарен ему за его критические замечания и присланные им по почте архивные документы и фотографии.

Новый 1915 год жители Волковыска встречали с тревогой и надеждой, тревогой за будущее и надеждой на скорое окончание войны. Но, судя по делам на фронте, этим надеждам не суждено было сбыться. Через станцию на запад шли эшелоны с новобранцами, а на восток — военно-санитарные поезда и поток беженцев.

Война стала приобретать затяжной характер и разрастаться в масштабах. Ни одна из сторон не владела достаточными средствами, чтобы бесповоротно изменить ход событий.

К началу 1915 года милитаристские настроения в обществе под влиянием вызванных войной социально-экономических трудностей явно пошли на спад.

В ссылке с друзьями анархистами-коммунистами

Начался постепенный рост оппозиционно-либеральных и революционных настроений среди населения. Это придало импульс антивоенной работе анархистов и других левых партий.

Большинство российских анархистов решительно осудили войну и тех левых, кто выступил в её поддержку. Анархисты выражали уверенность в том, что патриотический угар вскоре улетучится под влиянием реальных страданий и тягот войны, а пока, подчеркивали они, «станем готовиться, будем сеять всюду дух мятежа и возмущения» с тем, чтобы война была остановлена социальной революцией.

Начиная с апреля 1915 года, после некоторого затишья, и Антанта, и Германия предпринимают попытки изменить ход войны в свою пользу. Германия свои главные усилия сосредоточила на подготовке операций против России.

Весной 1915 года, добившись успеха на южном участке театра военных действий, германское командование решило немедленно продолжать активное наступление в северной его части — в Польше и в Восточной Прус-

сии. Началось широкомасштабное отступление русских войск.

Это вызвало в российском обществе новую вспышку шпиономании и слухов об измене. В западных губерниях было объявлено военное положение: вводилась военная цензура, военно-полевые суды, подверглись разгрому все подпольные революционные организации.

Цаля Шифф, мобилизованный на строительство оборонительных сооружений в прифронтной полосе, попал под пристальное наблюдение полиции. Из Варшавы на него пришла ориентировка как на участника организации анархистов-коммунистов.

Появились сведения, что он ведёт активную пропаганду против войны.

Это не могло пройти мимо внимания царской охранки. На основании приказа начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Н. Н. Янушкевича об очистке прифронтной полосы от всех политически неблагонадёжных, в мае 1915 года Шиффа арестовали и в административном порядке сослали на два с половиной года в Сибирь.

Из протокола допроса 8 марта 1938 года: ➤

В ссылке с ружьем от Фрунзе

«В 1915 году я был арестован в г. Волковыск царской полицией за агитацию среди населения против мобилизации и посылки на принудительные работы в Беловежскую пушчу по постройке стратегических дорог. В административном порядке, как политически неблагонадёжный и прибывший из Турции, был сослан в Сибирь на срок ведения войны».

Местом ссылки Цали был определён Верхоленский уезд Иркутской губернии. Расположенная в центре Сибири губерния была крайне редко населена.

На территории 700 тысяч квадратных верст жило всего около полутора миллиона человек.

В южной части губернии находился Верхоленский уезд.

Ссылка — вид уголовного наказания, состоящий в удалении осуждённого из места его постоянного или временного жительства с обязательным поселением в определённой местности, как правило, на окраине, на периферии в пределах страны, государства на срок, указанный в приговоре.

Политическая ссылка в дореволюционной России применялась по решению суда или в административном порядке (в отношении лиц, подозреваемых в участии

в общественном движении, высылка могла осуществляться без суда, по распоряжению царя, некоторых губернаторов и органов Министерства внутренних дел).

Правовой режим отбывания ссылки заключался в ограничении свободы передвижения пределами того административного района, куда осуждённый был сослан. Он обязан был ежемесячно регистрироваться в местных органах внутренних дел и своевременно сообщать о перемене места жительства или работы.

Ссылнопоселенцы, административно-ссылные и политкаторжане в правовом отношении имели вполне определенные различия. Так, жизнь ссылнопоселенцев регулировалась «Уставом о ссылных» от 1890 г.

Ссылнопоселенцы лишались всех прав состояния, имущества, «лично приобретенных прав» и так далее. Они не могли находиться на государственной службе, не имели права на приобретение в собственность имущества, им запрещалось вести педагогическую и юридическую деятельность. За попытку побега в пределах Сибири полагался перевод в более отдалённое место или тюремное заключение сроком до двух лет, за побег в Европейскую часть страны — каторга от 3 до 6 лет.

Административно-ссылные всех прав не лишались, но отдавались под гласный надзор полиции на всё время ссылки и обязаны были безвыездно проживать в пределах местности, предназначенной им для поселения.

После окончания ссылки они поступали под негласный надзор полиции на срок не менее двух лет. ►►

В середине июня Шиффа доставили в Таганскую уголовную тюрьму «Таганку», которая находилась на тогдашней окраине Москвы, недалеко от Таганской площади (от которой получила своё название), на улице Малые Каменщики, где в пересыльной камере формировалась очередная партия ссыльных. В камере было около тридцати человек. Политические и уголовники вместе. С ними у политических часто возникали споры и даже драки.

Цаля обратил внимание на одного молодого арестанта в форменной студенческой тужурке с погонами и эмблемой Политехнического института им. Петра I, который пользовался большим авторитетом в камере. Среднего роста, крепко сбитый, с большим упрямым лбом и острыми карими глазами он одним только взглядом останавливал все конфликты. Звали его Вячеслав Скрябин, партийный псевдоним — Молотов.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890-1986) — видный советский политический и государственный деятель, Герой Социалистического Труда. Во время Октябрьской революции — член Петроградского военно-революционного комитета. В мае 1915 года был арестован и сослан на три года в село Манзурка Иркутской губернии.

Ни один спор, ни одна дискуссия в камере и на этапе не обходилась без участия Молотова. Беседы и дискуссии велись вокруг главного вопроса — об отношении к войне. Ссыльные делились на два лагеря. Большевики и анархисты считали, что поражение царизма вызо-

вет в стране революционный взрыв; меньшевики и эсеры разглагольствовали о победе над Германией и войне до победного конца. Безусловно, общение с Молотовым в дальнейшем окажет влияние на взгляды и убеждения молодого анархиста.

Только 21 августа группа ссыльных, наконец, тронулась в путь. Около двух месяцев в компании уголовников, с многочисленными остановками в пересыльных тюрьмах по всему этапу, добрались до Иркутска, в 60-ти верстах от которого находился последний пункт этапа — знаменитый Александровский централ. Молотов так вспоминал об этапе в Сибирь: «Сколько горечи впитывают в себя тюрьмы и этап. Оскорблений, угроз... злых и грубых окриков пришлось наслышаться достаточно. Самые отвратительные условия в Иркутске. В камере грязища, спят многие под нарами. И притом постоянная угроза остаться безо всего благодаря сожительству с жульем».

В Иркутске Шифф, Молотов и еще несколько человек получили направление в село Манзурка Верхоленского уезда. Большое старинное село Манзурка было раскинуто среди озер, рядом — тайга. Домов двести пятьдесят — крепких, тёплых, из сосны или лиственницы, с крытыми дворами. Мужики зимой занимались прибыльным извозом — доставляли на санях грузы из Иркутска к пристани, откуда они шли весной по Лене к золотым приискам.

Некоторые жители уходили на прииски и возвращались с золотом. Таким путем богатели.

Верстах в шестидесяти на север было селение

Качуг, там пролегла река Лена, а чуть ниже стоял на её высоком правом берегу уездный город Верхоленск.

Впоследствии Молотов вспоминал: «В Иркутске вещи погрузили на подводки и пешком двинулись за ними. Надо было пройти за день 20-25 километров, и ночёвка. Но ноги я натёр. А, в общем, прошёл хорошо. Семь дней, кажется, шли. Двести километров, примерно. Осень, на счастье, выдалась довольно теплой, только к концу пути до Манзурки понадобились сани».

По прибытии в Манзурку Цаля с огорчением узнал, что царская армия вынуждена была оставить немцам Вильно, Гродно, Волковыск и другие белорусские города. К этому добавилась ещё и тревога за судьбу семьи. Пошли разговоры о погромах и массовой депортации еврейского населения из прифронтовой полосы. Только весной следующего года, получив письмо, Цаля узнает, что с родными всё в порядке.

Режим в Манзурке был относительно либеральным. Полицейский надзор сводился к тому, чтобы раз в месяц показаться приставу.

Жили ссыльные коммуной, основы которой заложили ещё народники и продолжили социал-демократы, в том числе — Михаил Фрунзе, сбежавший за два месяца до прибытия Цали. ►

Документы в историческом музее Волковьска на деятельность часового мастера Шифа Меера

Фрунзе Михаил Васильевич (1885-1925) — революционер, советский государственный и военный деятель, один из наиболее крупных военачальников Красной армии во время Гражданской войны. В марте 1914 года был отправлен на вечное поселение в село Манзурка Иркутской губернии.

В августе 1915 года, после ареста за создание организации ссыльных, бежал.

Под руководством М. В. Фрунзе были созданы касса взаимопомощи, общая столовая, библиотека. Была организована столярная мастерская, инструмент для которой М. В. Фрунзе купил в Иркутске. В ней изготавливались ульи для опытного агрономического поля, табуретки, столы, скамейки, оконные рамы. Артелью ловили рыбу в Лене. Осенью некоторый доход давали кедровые орехи. Целыми партиями уходили в тайгу за ними. Занимались охотой. В наследство от Фрунзе, после его побега, осталась тульская двустволка с запасом патронов.

Свой вклад в хозяйственную деятельность коммуны

внёс и Цаля Шифф. Он предложил открыть мастерскую по ремонту часов, ювелирных изделий и швейных машинок. В Иркутске закупили инструмент и, на удивление, дело пошло хорошо.

Каждый день с утра Цаля раскладывал свой ящичек и приступал к ремонту часов-ходиков, будильников, карманных часов, гармошек, швейных машин, а также мелких ювелирных изделий.

Местная администрация не только закрывала глаза на его деятельность, но и сама пользовалась услугами хорошего мастера. Учитывая, что Волковьск находился под немецкой оккупацией и родители не могли ему материально помочь, это не только помогло Цале обеспечить себе довольно сносное существование в ссылке, но и дало возможность помогать нуждающимся. Все это внушало уважение к нему старших товарищей.

Объединяющим центром для ссыльных была так называемая «общественная столовая». Прежде всего, она играла сугубо экономическую роль. Столовая объединяла неимущих ссыльных и помогала им не умереть голодной смертью.

Каждый ссыльный вносил в её кассу 1% своего месячного заработка, неработающие освобождались от взносов. Столовая держала профессионального повара и специальных работников. При ней были открыты пекарня и магазин с достаточно низкими ценами. Очень скоро столовая переросла первоначальное предназначение и превратилась в своего рода клуб, объединяющий политических ссыльных. Тут можно было встретить практически

всех осужденных революционеров, получить подробную информацию о каждом из них, обменяться новостями. Нередко столовая превращалась и в дискуссионный клуб.

Ссылка в Сибирь стала для Цали большой и серьёзной школой. Тяга к знаниям и самообразованию у всех ссыльных, особенно молодых, была огромной. Не только в Манзурке, но и в других поселениях создавались кружки по изучению истории, географии, литературы.

На собраниях заслушивали рефераты по международному рабочему движению, обсуждали вопросы марксистской теории и политической экономии. Учили иностранные языки.

В Манзурке в это время находилось много высокообразованных ссыльных. Таких, как Фёдор Николаевич Петров, окончивший медицинский факультет Киевского университета (в будущем главный редактор Большой Советской энциклопедии); Горячковский Александр Васильевич — сын офицера, учившийся на юридическом факультете Киевского университета и слушавший лекции по праву в Парижском университете; Евгений Маркович Альперувич, инженер, окончивший в 1914 году Московское высшее техническое училище, и много других, которые щедро делились своими знаниями с товарищами по ссылке.

Все с рвением следили за ходом военных действий. Самыми дефицитными вещами были географические карты. Их вырывали из энциклопедий, учебников, слёзно просили знакомых прислать по почте. ►►

Большой спрос был на книги по военной истории. А когда в газете «Сибирь» появились военные обзоры, вокруг них разгорались ожесточённые споры.

Единственное, что разделяло ссыльных, так это их политические убеждения. Следует отметить, что политическая жизнь в ссылке, несмотря на запреты, преследования и угрозы ареста, была достаточно бурной. Так ещё в апреле 1914 года наиболее активной части ссыльных удалось провести в Манзурке конференцию «Анархистов-коммунистов Сибири», главным вопросом которой было создание обособленной организации.

Лидером конференции, собравшей около 30 делегатов, был И. М. Гейцман (Хаим Лондонский).

Конференция постановила объединить анархистов в федерации по местам ссылки. Пропаганда идей анархизма, а также организация подготовки террора против представителей власти — объявлялись центральными задачами. В 1915 году организация анархистов-коммунистов Манзурки была небольшой, но сплочённой и активной. В её состав вошёл и Цаля Шифф.

Новый 1916 год встречали все вместе в столовой. Горели свечи на пахучей ёлке, блистали стеклянные игрушки, золотилась канитель; манзурские парни и девушки водили хоровод, горланили песни. Как вспоминал Молотов: «Пили водку, самогон, местное чалдонское пиво, в которое для крепости кустарные производители добавляли куриный помет.

Старые революционеры-эсеры пели «Марсельезу»,

а мы, социал-демократическая молодёжь, в другом углу — «Интернационал». Чуть не подрались. Все мечтали о революции и скором освобождении». Но до этого было ещё далеко.

В начале 1916 года положение ссыльных резко ухудшилось.

Продолжавшаяся война требовала колоссальных расходов. Даже те небольшие деньги, которые выделялись ссыльным, местная власть начала систематически задерживать. Административно-ссылным полагалось «кормовое» и «квартирное» пособие, а также ежегодные выплаты на летнюю и зимнюю одежду, независимо от того, имели они дополнительные источники дохода или нет. Задержки «кормовых» были своего рода мерой наказания. Усугубляли положение ссыльных обыски и аресты, повседневная слежка, преследование и произвол местных властей. Иногда корреспонденции об этом попадали в газеты.

Так 16 марта 1916 года газета «Сибирь» писала: «Из с. Манзурка, Верхоненского уезда пишут: До настоящего времени политические административные ссыльные не получают ни кормовых, ни одежных денег, несмотря на неоднократные обращения к местной администрации.

Кормовые деньги не выданы ещё за январь месяц, несмотря на то, что уже февраль на исходе и что властями было категорически заявлено об аккуратной выдаче ссыльным кормовых. В настоящее время ссыльные буквально голодают, тем более, что цены на продукты с каждым днём растут всё сильнее и сильнее...

Ссылными было послано несколько телеграмм об ускорении выдачи кормовых и одежных денег, но ответа до сих пор не получено, и результатов телеграммы не дали никаких.

Заболевания тифом продолжают. Недавно от тифа умер административно-ссылный рабочий Савельев и высланный немец Кнох.

В настоящее время этапы, служившие главным рассадником эпидемии, вследствие карантина в иркутской тюрьме прекратились, и количество тифозных больных уменьшилось. Тем не менее, в виду угрожающей населению опасности от распространения эпидемии тифа, в Манзурке открыт особый барак для тифозных больных, а также для заболевших оспой».

Весной 1916 года, доведенные безденежьем до отчаяния и нищеты, ссыльные договорились о работе на пристани в селении Качуг. По этому поводу есть один любопытный документ.

Из письма Иркутского Генерал-губернатора — начальнику ИГЖУ (Иркутского Губернского Жандармского Управления) от 28 апреля 1916 г.:

Сообщаю Вашему Высокопревосходительству, что я разрешил административно-ссылным: а) проживающим в с. Манзурка 1. Пылаеву Г. Н., 2. Залуцкому-Павловскому П. А 3). Скрябину В. М. 4). Евсееву Д. Г. 5) Ковревскому В. М. б) Степанову С. И. б) временно находящимся под надзором в селе Качуг И. С. Кизельштейну, С. М. Белову, И. В. Цивцивадзе, А. И. Толстохнову, А. С. Бекаревичу, М. Д. Самохвалову, Ш. А. Глузману, ►

Н. В. Зарецкому и в) проживающим в городе Верхоленске С. В. Косиору, М. Н. Кадыкову, А. Ф. Колесникову на время навигации проживать безвыездно под надзором полиции в с. Качуге для работ на погрузке товаров на пристани ...

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 345 Л. 1.

Многие ссыльные мечтали о побеге. Бежать из Манзурки зимой считалось самоубийственной затеей. Молотов планировал побег на весну. Работа на пристани помогла реализации этого плана. Цаля активно участвовал в подготовке побега Вячеслава Михайловича, доставив ему из Манзурки документы на имя Самуила Брауде.

Много лет моя мама хранила фотографии, где запечатлены ссыльные Манзурки. На обратной стороне карандашом подписано: Молотов, Шифф, Сырцов, Пылаев, Залуцкий, муж и жена Брауде и другие. И вот что я прочитал в воспоминаниях Молотова:

«С конца сентября до апреля 1916-го я дожил в Манзурке и удрал. Договорился с одним — доведёт на подводе до Иркутска, 170 верст. Нужен был паспорт. Я не признавал никаких фальшивых паспортов. Во время войны с этим можно было надолго загреметь по суду. У меня оба раза до этого не доходило, улик не было.

Была одна семья, жена — в ссылке, а муж — адвокат, меньшевик. Редкий случай: муж за женой поехал в ссылку! Жена за мужем — это было довольно часто тогда. Она — эсерка-интернационалистка Вера Петровна Булич, дворянского происхождения.

Потом работала в ВЧК. Она ко мне довольно хорошо

относилась, мы оба — интернационалисты.

Она мне устроила паспорт своего мужа, но какой паспорт: Самуил Маркович Брауде! За еврея сошёл! По дороге что-то показать надо, долго не будут разбираться...».

Весной 1916 года Цаля Шифф, находясь по работе в Качуге (он ремонтировал часы местному исправнику), познакомился со Станиславом Косиором, опытным революционером, одним из руководителей московской партийной организации большевиков, который в самом конце 1915 года также прибыл в ссылку и поселился в селении Качуг.

Косиор Станислав Викентиевич (1889-1939), советский партийный и государственный деятель. Поляк.

В 1915 году сослан на три года в Иркутскую губернию. Освобождён во время Февральской революции и переехал в Петроград.

В марте 1918 года назначен народным секретарём финансов Украины, с августа 1918 года — на подпольной работе в Украине.

1928-1938 г. г. — генеральный (первый) секретарь ЦК КП(б) Украины.

Репрессирован в 1938 году.

Военной коллегией Верховного суда СССР 26 февраля 1939 г. приговорён к расстрелу и в тот же день расстрелян.

Косиор, сам выходец из города Венгров Седлецкой губернии в Польше, которая граничила с Гродненской губернией, жадно расспрашивал Цаля о положении в Польше и Белоруссии.

Война, национальный вопрос, большевизм, анархизм, — всё было темой их дискуссий и споров.

Молодой Цаля Шифф смело отстаивал собственное мнение, что вызывало уважение к нему со стороны старшего товарища.

Они стали друзьями. Эта дружба сыграет важнейшую роль в дальнейшей судьбе Цали, когда он будет работать на Украине в Харькове.

Но в конечном итоге окажется роковой.

При написании главы использованы для цитирования следующие источники:

1. В. Никонов «Молотов» М. «Молодая гвардия», 2016 г.

2. Ф. Чуев «Сто сорок бесед с Молотовым» М. Терра. 1991 г.

*Евгений Голов
г. Харьков, 2018 год*

